

Когда я проснулся, то не сразу понял, что нахожусь в гробу. Открываю глаза – мрак. Попытался встать, но не смог даже выпрямиться, тут же уткнулся головой в деревянную крышку гроба.

Повернулся на один бок, на другой, попробовал согнуть ноги в коленях – бесполезно. Я даже подумал, что продолжаю спать – столь невероятным мне показалось это пробуждение, но, сколько я ни зажмуривался, ни щипал себя, приходилось-таки признать кошмарную реальность: я погребён заживо, похоронен. Крошки сырой земли, упавшие мне на лицо из верхних щелей гроба, подтвердили, что я нахожусь в могиле – и обратного пути нет.

Осознав это, я некоторое время лежал неподвижно, в оцепенении и смертельном страхе: что делать?! Как вырваться? Как спастись?... Быть может, люди, меня хоронившие, ещё не разошлись – и услышат мой крик? И я закричал: «Помогите! Я здесь! Я живой! Спасите! Спасите меня!» Потом замолчал, прислушался – тишина. Никакого отклика. Я попробовал приподнять и открыть крышку гроба – ведь земля надо мной наверняка рыхлая, и я смог бы выбраться наружу, как крот, лишь бы крышку сдвинуть хоть чуточку в сторону! Но крышка не поддавалась. Видно, гвозди были вбиты на совесть крепко.

Да и могила, конечно, глубокая – слой земли слишком массивен и тяжёлый... и шансов выбраться никаких. Но я не желал сдаваться, я долго ещё кричал и бился в стены добротного гроба, пытаюсь их расшатать, сокрушить, колотился затылком и лбом, и коленями, и локтями... Запыхался. Устал. Изнемог. И дышать с каждой минутой становилось всё труднее – я с ужасом понял, что скоро, очень скоро запас кислорода в тесном гробовом пространстве иссякнет, и тогда я подохну, какдохнут моряки на затонувших лодках.

Было душно, промозгло и сыро. Меня трясло от холода и страха. То впадая в безнадежную прострацию, то вновь изгибаясь, словно червяк, в бесполезных судорогах и корчах, я, наконец, совершенно обессилел и впал в забытие. Одна лишь тоскливая мысль меня терзала: как же это могло случиться? Будучи человеком начитанным, я, конечно, знал, что немало описано случаев, когда люди, находящиеся в состоянии летаргического сна, оказывались погребёнными заживо... Но как это могло произойти со мной? Да, в последние месяцы я был болен, я дважды перенёс инфаркт... вот и сейчас я чувствовал острую боль за грудиной, и сейчас моё сердце сжималось и билось с перебоями, грозя разорваться и лопнуть...

Быть может, я перенёс третий инфаркт – и после этого, не придя в сознание, впал в летаргию?.. Но куда же смотрели врачи?! Ведь у них есть соответствующие приборы, могли же они убедиться, что сердце хоть слабо, но бьётся, могли же снять

кардиограмму... К чему была эта трагическая поспешность? Впрочем, что уж теперь. Зачем эти риторические вопросы, обращённые в никуда... Как ни горько мне было, но приходилось признать очевидный факт: я в могиле и выхода нет.

Где-то там, наверху – мои близкие, моя жена и мой сын, мои друзья и коллеги по работе... Сейчас они все, вероятно, сидят у нас дома за поминальным столом – пьют водку, едят блины и кутью, и котлеты, и жаренных кур, и кисель пьют... и говорят обо мне, вспоминая, каким я был добрым отцом, верным мужем и славным товарищем...

О покойниках принято говорить только хорошее. Хотя, если бы моя жена вдруг разоткровенничалась, она могла бы, конечно, поведать гостям о наших мучительных ссорах, которых в последнее время было уж слишком много... по пустякам... по малейшему поводу... Если бы не она, не случилось бы ни первого, ни второго моего инфаркта... Да и сынок мой двадцатилетний тоже немало ведь постарался, чтобы отравить мне жизнь, надорвать моё усталое сердце...

Но так было не всегда! Были и долгие и не такие уж далёкие годы счастливой жизни, когда мы любили и понимали друг друга с полуслова. Было всё – и влюблённость, и страсть, и круглосуточное желание быть вместе, рядом, и взаимная жертвенность, и подарки, и нежные письма в периоды вынужденной разлуки, и готовность отдать всего себя ради близкого, единственного, самого родного человека... А когда родился сын – любовь к жене и младенцу вспыхнула ещё жарче, и хотелось быть нужным, любимым и любящим, и не хотелось ни на миг разлучаться, и все мысли, заботы и тревоги были лишь о них, дорогих и единственных...

Куда же всё это делось? Почему всё хорошее умирает раньше самого человека? И я вдруг с отчаянной тоской подумал: вот если б сейчас я мог спастись, выйти из этого заточения – о, клянусь, я бы сделал всё, чтобы мир и счастье вновь осветили наш семейный сумрак, я постарался бы, я бы сделал это ненавязчиво, вкрадчиво, деликатно, я бы по кирпичику отстроил бы заново всё то, что в последние два-три года было разрушено не без моего участия.

Да! Нельзя в своих бедах винить лишь других, и как жаль, что я понял это только сейчас. Я сам – кузнец своего несчастья, и, значит, я сам был во многом виновен, я должен был проявлять куда большую терпимость в отношениях с близкими мне людьми, быть более чутким и менее капризным... О, если бы я только мог!

Боже, Боженька, милый Боженька, ну, пожалуйста, помоги!. Дай мне шанс, сделай чудо, пожалуйста, Боженька, я клянусь тебе, Боженька, если я выйду из этой могилы – я стану другим, и жена□ моя снова меня полюбит, и мой сын снова станет мне родным и близким, и всё будет хорошо... Ну, пожалуйста, Боженька, спаси меня и помилуй – и я сделаю всё, чтобы мы, все трое, снова стали счастливыми, как когда-то... совсем недавно... а потом, после этого – пусть умру, всё равно ведь мой срок недолог.

Я же понимаю, что последний, смертельный инфаркт – не за горами... Но, пожалуйста,

Боженька, дай мне хоть ненадолго вернуться к своим ненаглядным!..

И тут вдруг мне показалось, что я слышу какие-то странные звуки, доносящиеся откуда-то сверху... да неужели?! Неужто Всевышний откликнулся на мои мольбы? Я замер, прислушался: и впрямь, звуки стали отчётливее, громче – я расслышал даже лязг лопаты, словно кто-то сверху раскапывал мою свежую могилу... а вот уже стали слышны и чьи-то неразличимые голоса! Боже праведный! Моё сердце забилось так часто, что я, задыхаясь, не мог даже слова произнести, тем более крикнуть хоть что-то навстречу своим спасителям...

Я мог лишь беззвучно шептать: «Скорее... скорее... скорее... И вот уже чья-то настойчивая лопата ударила по крышке гроба, и я узнал голоса – это были моя жена и мой сын! Я отчётливо слышал, как они переговаривались, завершая свой труд. О, мои дорогие! Мои любимые! Значит, всё-таки ваши вещие сердца подсказали вам, что хоть и с таким запозданием, что возможно была роковая ошибка... и вы прибежали сюда, на кладбище, чтобы исправить эту свою ошибку.. Знали, думали обо мне, значит, переживали...

«Мама, можно, я отойду в сторону? – услышал я голос сына. – Могилу раскопал, гвозди вытащил... а крышку ты ведь и без меня сможешь поднять». «Что, боишься? – да, это был голос жены. – А ведь я только ради тебя притащилась сюда среди ночи... Мне-то его деньги не нужны». – «Там, может, и нет ничего», - дрожащим баском усомнился сын. «Как же нет! Он сам говорил, что сберкнижка всегда при нём... Я абсолютно уверена, что она лежит у него во внутреннем кармане пиджака... А потом, уже на поминках – я вспомнила: он ведь совсем недавно мне говорил про свою сберкнижку... мол, на чёрный день! Мол, уйду от вас, паразитов, так хоть будет на что прожить оставшиеся денёчки...».

«Но тебе же и так бы выдали деньги в сберкассе, - забубнил сын, - и без книжки бы дали... ведь ты наследница». «Да если б я знала, в какой сберкассе! – сердито сказала жена. – У нас этих сберкасс – на каждом углу... И потом, вклад валютный, в долларах – где я буду её искать, эту кассу?! Может, она вообще не в нашем городе!..».

«Боже мой, - замер я, - о чём они говорят?..». «Нет, я всё-таки отойду, - сказал сын. – А сберкнижку ты и без меня сможешь вытащить». «А ты?» – «Отойду, покурю в сторонке...». «Тоже, мужчина!» – «Ну не могу я смотреть на мертвеца... да ещё ночью!» «Он не может смотреть на мертвеца, - подумал я, - потому что он очень чувствительный, мой сыночек...».

И я услышал его удаляющиеся шаги. «Ах, он, видите ли, не может, - злобно ворчала моя жена, приподымая крышку гроба, - он не может, а я могу... я всё могу...». Я лежал лицом вверх, я смотрел широко раскрытыми глазами, но язык у меня отнялся – и я не мог произнести ни слова. Я боялся напугать жену – и поэтому, как только надо мной распахнулось звёздное ночное небо и откуда-то издалека ко мне приблизилось бледное женское лицо, я зажмурился, затаил дыхание.

Рука любимой женщины скользнула по моей груди, проникла во внутренний карман пиджака, вытащила оттуда сберкнижку. Всё правильно. Всё на месте. «А ты, дурочка, боялась, - хохотнула жена. – Делов-то...». «Лена... - произнёс я еле слышно и открыл глаза. – А ведь я жив...». Она ойкнула, отшатнулась. «Леночка... не пугайся... помоги мне подняться... - шептал я. – Я тут совсем закоченел».

Жена смотрела на меня не мигая, а её руки медленно сдвигали надо мной тяжёлую крышку гроба. – «Ну, что там? – крикнул издали сын. – Всё в порядке? Тебе помочь?» - «Всё в порядке, - сказала жена. – Я сама справлюсь».

Эдуард Русаков, 1996 г.

[\[Поделиться мнением, задать вопрос\]](#)